

Что русскому стыд, то немцу
гордость — hand made!

АКТУАЛЬНАЯ ПЕРСОНА

№64 (994) 02.09—05.09.2004 г.
НОВАЯ ГАЗЕТА

Лукошко для ягод, вырезанное дедушкой из резинового мяча. Снегоуборочная лопата сделана дворником — дорожный знак прибит к деревянной палке. Вечный календарь из деревянных счетов, с цифрами на костяшках, а без цифр — готовый «массажер». Шахматная доска, нарисованная на табуретке, готова для дворового турнира, только автор, не обученный игре в шахматы, ошибся числом клеток. Настоящие шахматы стали крышкой рыбацкого ящика — для другого спортсмена. Встречаются вещи заводские: рабочий в обеденный перерыв выплавил для жены дюралевую вафельницу. А железная канистра в форме портфеля так и просится в кабинет — к мини-ру топлива и энергетики.

Из тысячи предметов в коллекции художника Владимира АРХИПОВА нет ни одного, сделанного его руками. Уже десять лет он собирает по деревням и коммуналкам «вещевой фольклор». «Я делаю музей» — название выставки в Аптекарском приказе Музея архитектуры пока написано на бумажке: не успели с афишей к верни-

сать. Архипов самостоятельно недоволен и требует «принести вывеску». Правильно, вещь становится предметом искусства, когда оказывается в музейном пространстве. Это изобрели дадаисты. А Уорхол доказал: искусством может стать любой объект. Главное — кто признает его искусством, уточнили идеологи «реди-мейда».

Современное искусство — в каждый дом, это уже «ИКЕЙная» философия потребительской эпохи. (Дизайнерская звезда Филип Старк заявляет, что ему интересно работать не для миллионера, а для миллионов людей.)

Архипов не концептуалист, ему люди интереснее деклараций. Он делает народный музей — вместо государства, которое до сих пор выдает за народное творчество самовары в провинциальных краеведческих музеях. А Музей самодельной вещи своего угла не имеет, живет «в режиме чердака и подвала» в мастерской художника. Увидеть вещевой фольклор можно только на выставках — когда Архипов выводит народное творчество в люди.

Из архива Владимира АРХИПОВА

Вещь — себе

Художник Владимир Архипов делает Народный музей.
Вместо государства

— Чудесно изданную книгу-каталог вы снабдили диском, где голоса авторов рассказывают, зачем на табуретку повесили сиденье унитаза. В их «шершавом языке» легко заподозрить иронию того, кто видит в этом артефакт.

— Наоборот, наши стереотипы — «голь на выдумку хитра», «изобретательность от нищеты» — принижают ценность документальных свидетельств эпохи.

Исключительный культурный опыт историчен. Смотрю на вещь — вижу человека! Статистически я убедился, что люди, делающие такие штуки, сами нестандартны. Их спрашиваешь в лоб: «Зачем ты лопату из дорожного знака сделал?» — отвечают: «Зачем покупать то, что я могу сделать сам». На мой взгляд, «пошел и купил» звучит похуже, чем «я сделал». Я показываю вынужденные вещи, где на стыке функций появляется артефакт.

— Искусство же вроде несовместимо с категорией пользы!

— Давайте различать творчество и искусство. Творчество — это внутреннее отношение к тому, что ты делаешь. Человек может творчески порезать хлеб или помыть посуду.

— Трудно достаются экспонаты?

— Мой интерес часто воспринимается агрессивно и неадекватно — как попытка незнакомого человека залезть в частную жизнь, которая якобы недостойна, непристойна, не терпит свидетелей. Или считают меня за дурака: «чокнутый какой, лопата моя ему понравилась». Что-то приходится выпрашивать годами — хотя бы на выставку. У меня нет любимых вещей, самые интересные — последние находки. Узнавание в чужом контексте чего-то своего — маленький катарсис.

— «Вторая жизнь вещей» — это философия?

— Это выдумки бестолковых искусствоведов и культурологов! И модная западная фишка Recycling things — экологическая идея вторичной переработки. Ни один человек не думает о «ресайклинге» — ему надо, чтобы дверь открывалась, умывальник работал... В начале 90-х годов на выставке меня долго поздравлял немецкий археолог. Я не понял его восторга — незнакомый человек лезет обниматься, пьяный к тому же. Переводчик говорит:

тебе хотят подарить крокодила. Пятиметрового. Зачем? Он легкий, 50 кг всего. Ну, думаю, похоже на «купи слона»... Понял свою ошибку, когда куратор объяснил: это был самый известный в Европе египтолог, у него мумии крокодилов... Потом я его встретил в Пергамском музее, уже трезвого: он делал передачу для немецкого ТВ. Оказалось, русские самодельные вещи помогли ему решить археологическую загадку. Об ископаемой утвари неясного назначения, странным образом соединенных предметах. Обычная бытовая изобрета-

тельность древних египтян, решил профессор.

— Идея вашего международного проекта для Форума художественных инициатив доказала: что русскому стыд, немцу гордость — hand made!

— В русских больше творческого бессознательного, а западные люди очень рефлексивны. Там весьма небедные люди балуются поделками! Думаю, это человеческая реакция на узкую специализацию труда. Рынок труда сегментирован, в своей области ты суперпрофессионал, а в смежной — ни бум-бум. У нас же и ныне ценятся работники широкого профиля: и гайки крутить, и варить, и гвозди забивать. (Показывает на рабочих, курящих вокруг стройки во дворе Музея архитектуры.) Мы рождаемся гармоничными — по образу и подобию, а потом профессия как-то приплющивает личность неравномерно развивается. Человек перекошен — и полезно из него: стихи, кроссворды, а у некоторых руки из правильного места растут...

— Наш народ сочиняет про себя анекдоты: «все, что вы делаете руками, нигде не годится»!

— Можно и посмеяться... А проблема серьезная — без коллективной исторической памяти государство не живет. Наши методы архивирования материальной культуры архаичны — будто не было грандиозной промышленности СССР, которая из-

за изоляции не копировала западные стандарты, а создавала уникальную предметную среду. До сих пор у нас с Европой розетки не совпадают. (В КВН шутили: «У нас жизнь в два раза напряженнее». — Н. С.) Пропорциям нашего кирпича нет мировых аналогов! А сегодня сковородку «Центер» найти легче, чем чугунную. Где музейные доказательства, что на этой территории была иная страна? Художник может только провозгласить — хоть названием выставки. Где мы можем увидеть модельный ряд советских вещей? Почему я делаю музей? Потому что государство его не делает.

— Вы переносите частное в публичную сферу актуального искусства, излюбленная тема которого — критика потребительского общества...

— И я по-своему нонконсьюмерист: стремлюсь менять, а не покупать вещи. Потом, это самостоятельно возникшие формы — их же никто не заказывал! Когда я начал выставляться в начале 90-х, произошло резкое расхождение общества. Я задумался: есть ли у искусства коммуникационный потенциал? Получилось: я показываю Золушек — вывожу их из тьмы на свет. Авторы показывают по телевизору, что-то меняется в их жизни. Это моя социальная позиция. Смысл в том, что в искусстве нельзя терять человека.

— А в коллекции просматриваются географические отличия — как, например, между северодвинской и горюховской росписью?

— В каждой деревне свой стиль: соорудил авторитетный человек антенну из двух велосипедных колес

— остальные повторяют. А так называемая фолк-культура — это ложь стопроцентная. Это бизнес матрешечно-сувенирный, китч чистой воды, народные гуляния перед зданием мэрии!

— Не обижаетесь, когда на международных выставках проекты идут на ура — как русский сувенир?

— Бывает. В Австрии меня заклеили теткой из российского посольства: прекратите позорить русский народ! Запретить выставку!

И начал искать. Один человек сделал машину по извлечению квадратного корня из конструктора своего сына, доказывая: вычислительная техника не обязательно должна быть электронной. У немца из Хайдельберга я обнаружил подстригающую машинку со встроенным пылесосом. Они с женой стригут друг друга. Спросил, кто он по профессии. «Да так, механик». Конструирует вибрирующие телескопы! Чтобы улавливать свет далеких звезд, идущий с пульсацией. Он же автор телескопа, с помощью которого NASA в 1959 году сделала знаменитое фото обратной поверхности Луны.

— А вы — чувствуете себя культуртрегером?

— Разглядеть эти вещи можно только на определенной скорости общения. Если мы с тобой выпили пива и разошлись — я ничего не узнаю. Должно быть попадание в чужую жизнь — как минимум в гости. Пускают неохотно, кроме одиноких людей, у которых дефицит общения. И у нас, и на Западе таких людей много — и я часто ощущаю себя художественным психотерапевтом.

И начал искать. Один человек сделал машину по извлечению квадратного корня из конструктора своего сына, доказывая: вычислительная техника не обязательно должна быть электронной. У немца из Хайдельберга я обнаружил подстригающую машинку со встроенным пылесосом. Они с женой стригут друг друга. Спросил, кто он по профессии. «Да так, механик». Конструирует вибрирующие телескопы! Чтобы улавливать свет далеких звезд, идущий с пульсацией. Он же автор телескопа, с помощью которого NASA в 1959 году сделала знаменитое фото обратной поверхности Луны.

— А вы — чувствуете себя культуртрегером?

— Разглядеть эти вещи можно только на определенной скорости общения. Если мы с тобой выпили пива и разошлись — я ничего не узнаю. Должно быть попадание в чужую жизнь — как минимум в гости. Пускают неохотно, кроме одиноких людей, у которых дефицит общения. И у нас, и на Западе таких людей много — и я часто ощущаю себя художественным психотерапевтом.

● Беседовала
Наталия САВОСЬКИНА

Музей архитектуры, Аптекарский приказ, ул. Воздвиженка, д. 5. До 5 сентября